

ПРОЛОГ

На это убийство обратили внимание многие.

В нем было нечто странное, нелогичное. Большинство читателей газет и зрителей ТВ просто *почувствовали* мимолетно эту внутреннюю противоречивость преступления, однако спустя секунду уже выбросили ее из головы и кинулись пожирать новые сводки о том, что еще случилось в мире диковинного, ужасного и загадочного. Тем паче что мир был большой и весь оцифрованный и в нем постоянно происходило множество жутких, забавных и отвратительных событий.

Немногие аналитики — в их числе следователи, опера, частные сыщики, криминальные репортеры — поняли тем не менее, что разноречащего и неловкого имелось в преступлении.

Во-первых, необычной оказалась личность жертвы. Работников телевидения в нашей столице убивали, слава богу, нечасто. А если они вдруг становились жертвами, то ими были высокие руководители, имевшие прямое отношение к финансовым потокам. С другими тружениками ТВ если расправлялись, то по мотивам, традиционным на Руси, то есть на почве ревности, мести или по пьянке.

Однако на сей раз пострадавшей стала женщина, занимавшая высокий пост, но деньгами не рулившая. Ее похороны не освещались широко газетами и тем же телевидением (как это бывало, когда уходила звезда) — однако в них принимали участие все, кто что-то значил в профессии, от Эрнста и Добродеева до звукорежиссеров и операторов. Ничего удивительного, ведь убита была продюсер, автор, главный редактор и режиссер многих популярных программ, четырежды лауреат профессиональной премии ТЭФИ Елена Постникова.

Вторая странность *мокрого дела* заключалась в том, что оно, с одной стороны, имело все приметы преступления заказного: жертву подкарауливали у подъезда ее дома; очевидно, киллер (или киллеры) предварительно тщательно изучил и хорошо знал распорядок дня и привычки женщины. Но убийцы воспользовались не пистолетом, автоматом или обрезом охотничьего ружья. Нет! Душегубец (что крайне необычно в подобных обстоятельствах) использовал нож. Он встретился с Постниковой лицом к лицу и нанес ей четыре удара в область сердца. «Скорая» прибыла оперативно, однако пострадавшая скончалась по дороге в больницу.

Итак, следствие начиналось, по меньшей мере, с двух недоуменных вопросов — почему Постникова и почему нож?

И только человек пять-шесть в стране догадывались, что произошло.

Журналист Дима Полуянов и его подруга Надя Митрофанова знали это почти со стопроцентной уверенностью.

Но, конечно, как ведали и о том, с каким другим убийством было сопряжено это и почему.

А в точности о том, что и почему случилось, ведал лишь один человек — убийца.

ГОДОМ РАНЕЕ

Девушка сидела на подоконнике. Худенькая шейка, золотистые распущенные волосы, точеный овал лица. И — безучастный, без огонька, без единой мысли взгляд.

Мать подошла, произнесла осторожно:

— Аленка!

Девушка повернула головку, но видно было: не узнает. Нервно обхватила себя ручками, отодвинулась. С подоконника на пол шлепнулась тетрадка. Мама скосила глаза, прочитала, вздохнула: как обычно. Бессвязный поток слов: *река цветы роза мороз синь одна кремний лодка.*

Врач, впрочем, учил:

— Пограничное состояние не всегда означает полное отключение от реальности. Нам с вами нужно цепляться за любой проблеск жизни, за крошечную мысль в ее глазах.

Но сейчас во взгляде девушки читался лишь ужас.

— Весна, Аленка, — робко произнесла мать. — На клумбе цветы твои любимые распустились...

Молчит. Отодвинулась от нее еще дальше.

— Помнишь, как называются?

В глазах девушки что-то дрогнуло. Неужели показалось?

— Я очень жду, чтобы ты вернулась домой, Аленушка, — тихо произнесла мама.

Та — слабенько, еле-еле — в ответ улыбнулась. На мгновение подалась к ней — а потом резко отпрянула. Уперлась спиной в оконное стекло. А потом быстрым движением вскочила на ноги — и из всех слабеньких сил ударилась в окно головой.

Мама — безотчетно — ждала звона осколков. Но окна в клинике были непробиваемые.

Алена снова, будто раненая птица, врезалась в стекло.

Женщина в отчаянии отступила.

В комнату уже спешил врач, на ходу вскрывая ампулу. Мимоходом бросил несчастной матери:

— Не волнуйтесь. Приступ сейчас купируем.

И Алена, спустя минуты после укола, успокоилась. Снова вернулась в свою безучастную раковину.

— Неужели она останется такой навсегда? — в отчаянии спросила женщина у врача.

Тот натянуто улыбнулся:

— Нет. Что вы! Конечно, нет. Мы вытянем ее.

Мать девушки с надеждой смотрела в его лицо. Но доктор жестко добавил:

— Приступы закончатся. Но такой, как прежде, она уже не станет. Ни при каких обстоятельствах. Слишком тяжела для нее была травма.

* * *

В Ла Скала на лимузинах мало кто ездит. Прогрессивные люди добираются до театра на мотоциклах. Луиза считала, что это — тоже часть спектакля: когда подруливает мощный «чоппер», за

рулем пожилой джентльмен в смокинге, позади — преклонных лет дама в дорогом шелковом платье. Снимают оба шлемы, приглаживают волосы — и пошагали слушать «Манон». Причем далеко не бедные ведь старички, арендуют на весь сезон ложу бенуара, с легкостью заказывают шампанское по двадцать евро за бокал. Но тратиться на такси или тем паче на представительский автомобиль никогда не станут.

Сама Луиза — в сорок три года! — тоже освоила мотоцикл. Какой смысл трепать себе нервы в трафике и часами искать парковку?

В Ла Скала она (хотя жила в окрестностях Милана) выбиралась нечасто. Времени, да и денег на светскую жизнь не имелось. Но сегодня — впервые за десять лет! — в Италию приехала ее давняя подруга, и Луиза пригласила ту послушать «Манон».

...Встретились у театра. Приятельница восхищенно осмотрела мотоцикл, Луизино нарядное платье. Тепло улыбнулась:

— Ты неподражаема! Настоящая итальянка!

Луиза расцеловала подружку. Искренне произнесла:

— Я очень рада тебя видеть!

По-европейски незаметно ту оглядела. Смотрелась гостья из Москвы неважно. Бледная, глаза, как у собаки породы сеттер: преданные и грустные. Даже модный костюм и высокие каблукки положения не спасали.

«Совсем плохи, наверное, дела в России».

— Побежали! — улыбнулась Луиза. — Второй звонок уже был.

Хотя звонков в прямом смысле слова в Ла Скала не имелось — вместо них люстры сигналили. Два раза потухнут-зажгутся — соответственно, второй.

Дамы поспешили в свою ложу — номер семь, в бельэтаже.

— Хорошо бы на первый ряд никто не пришел! — мечтательно произнесла приятельница.

Луиза улыбнулась:

— Первый ряд — у нас.

— С ума сойти! — ахнула подруга. — Это же шестьсот евро! — Смутилась: — У меня с собой столько нет..

— Брось, — отмахнулась Луиза. — Я угощаю!

Хотя билетики на премьеру (главную партию исполняла Анна Нетребко) ударили по карману изрядно.

Луиза, пусть и была супругой итальянского графа, денег у мужа не брала. Тот прижимист оказался, а уж траты на оперу считал совершенным излишеством. Но, к счастью, супруг не стал препятствовать, когда *русская жена* решила основать в Италии собственный бизнес. Необычный, перспективный, но очень трудоемкий.

Туристы, полагала Луиза, давно уже пресыщены. Устали от традиционных отелей, ресторанов и экскурсий. Чем их привлечь? И открыла в изрядно обветшавшем замке мужа — экологическую ферму. Держала овец, гусей, лошадей, выращивала овощи, клубнику, фрукты, шампиньоны в подвале. Натуральное хозяйство практически. Гостям, которые приезжали на отдых, предлагала чистый воздух, деревянные домики, йогу на рассвете (пре-

подавала сама), пиццу из собственной дровяной печи, домашний козий сыр и прочие природные радости.

Доход дело пока приносило скромный, сил отнимало изрядно, но Луиза умела во всем находить свои плюсы. И каждый день благодарила вселенную за то, что ей не надо ходить в офис, постоянно лавировать и унижаться (как когда-то в России) или выпрашивать деньги у мужа. И что гости, в большинстве своем, оказывались доброжелательными, порядочными, интересными людьми.

— Получается у тебя с твоей фермой? — с искренним любопытством поинтересовалась подруга.

— Кручусь, — улыбнулась в ответ Луиза.

Еще раз взглянула в бледное, почти изможденное лицо давней знакомой. Предложила спонтанно:

— Переезжай в Италию! Я тебя заместителем возьму. С перспективой стать партнером.

— Нет, что ты! — испугалась та. И добавила не слишком уверенно: — У меня и дома... все хорошо.

Русские (себя Луиза уже таковой не считала) с удивительным упорством держатся за свои цепи. А ведь когда-то — много лет назад! — именно у подруги имелись все шансы преуспеть. Не то что у нее самой: нищей, закомплексованной девочки из глухой провинции.

...Люстры в золоченом, предвкушающем действо зале мигнули в третий раз — и свет мгновенно погас. В Ла Скала представление начинают вовремя, никаких поблажек для опоздавших.

— Опера на французском идет, — предупредила подругу Луиза.

— Да ты что! А я специально итальянский освежала! Надеялась, что пойму хоть немного! — расстроилась та.

— Что поделаешь, Массне — композитор французский. А европейцы рьяно блюдут аутентичность, — объяснила Луиза.

И включила монитор с переводом.

— Удобно тут у вас. У нас над сценой слова пишут, — с легкой завистью вздохнула подруга.

— Зато у вас в Большом — роскошнее, — усмехнулась Луиза.

Отзвучала увертюра, раздвинулся занавес. Декорации действительно выглядели минималистски, если не сказать бедненько.

Но приятельница придираться (как любят русские) не стала.

Она смотрела на сцену, легонько постукивала по ручке кресла в такт божественной мелодии, и в глазах ее стояли слезы.

«Что же у нее случилось? Неужели несчастная любовь? В сорок-то с хвостиком?!» — подумала Луиза.

Когда-то они очень дружили, поверяли друг другу самые сокровенные и страшные тайны. Но с тех пор минуло уже больше двадцати лет. Пути разошлись, жили они в разных странах и общались теперь совсем редко. Уже не потребуешь на правах надежнейшей confidentки: колись, мол, что с тобой. Немедленно!

Оставалось только ждать, что подруга сама расскажет.

...В антракте дамы пошли исполнять обязательный ритуал. Взяли кислого шампанского, очень соленых (но бесплатных!) печенюшек на закуску и уселись на мягкий диванчик болтать.

Луиза улыбнулась подруге:

— Ну, рассказывай! Как ты? Как в России?

— Все по-старому, — отозвалась та. — Работаю. Там же. Надоело уже — сил нет. Бросить бы, заниматься чистой наукой... Но кому она сейчас в нашей стране нужна?

— А личная жизнь? — осторожно поинтересовалась Луиза.

— Ох, разве мне до того! — отмахнулась подруга. И снова — перерезала ее лоб грустная складка.

Луиза не выдержала:

— Слушай, что у тебя стряслось?

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно отозвалась приятельница.

Но в глазах ее вновь блеснули слезы.

Отвернулась, пробормотала:

— Прости. Что порчу тебе вечер. Мы же в оперу пришли. Наслаждаться, получать удовольствие!

— Прекрати, а? — слегка повысила голос Луиза. — Плевать на вечер, и на оперу тоже. Мы можем прямо сейчас уйти, сесть в баре и взять бутылку граппы. Немедленно рассказывай!

И подруга не выдержала:

— С Аленкой у меня проблема. Очень серьезная, — тихо произнесла она. — И я просто не знаю, что теперь делать.

* * *

Как врач и обещал, из клиники дочь вернулась домой.

— В школу отправлять ее не спешите, — напутствовал доктор. — И вообще — не дергайте. Пусть делает, что хочет.

Но девочка не хотела ничего. Сидела целыми днями у окошка, смотрела невидящим взглядом на улицу. И даже в тетрадке своей больше не писала.

— Аленка, давай ходим в кино! — теребила мать.

— Не хочу, — буркала в ответ дочь.

— Я купила вкусный торт к чаю...

И снова — равнодушный вопрос:

— Зачем?

Совсем за собой не следила, роскошные, медового цвета волосы сваялись, стали словно войлок. Включит мама телевизор — уставится в экран. Выключит — переведет взгляд на стену. И молчит. А ведь когда-то болтать могла без умолку. И смеяться. И бесконечно примерять наряды. Писала стихи, рисовала, сидела в чате, читала английские книжки, бегала на аэробику, краснела, когда получала эсэмэски от мальчишек, пела, танцевала. Жила полной жизнью. До того рокового дня, который перечеркнул их бытие надвое. На до — и после.

И оставлять все как есть было никак нельзя.

В этом мама не сомневалась.

* * *

Человека скучнее, чем его родительница, Сашка в мире не знал. Только два имелось у маман состояния: или работала, или занудствовала. И никаких, сколько он помнил себя, человеческих радостей не позволяла. Ни себе, ни сыну родному.

Она даже одевалась — глянешь, и от скуки аж зубы заломит. Кофточки блеклых расцветок, серые юбки, всегда одинаковая, бесформенная прическа. Что взять с училки! Мазер, многостаночница, преподавала у них в школе английский, русский и литературу. А еще бралась за переводы и даже чужие тексты перепечатывала, если находились охотники платить. Сашке казалось: в какое время ни выползи на кухню — хоть в два часа ночи, водички хлебнуть, хоть в семь утра, завтракать, — маменька вечно за столом горбится. То тетрадки школьные проверяет, то словарями обложится и переводит скучнейшую техническую заумь. Пока был маленький, еще пытался упросить ее порисовать с ним, поиграть, в салки побегать. И с раннего детства же запомнил: вечно укоряющий взор, недовольный тон:

— Саша, какие игры?! Мне нужно работать.

Однажды — уже подростком — не выдержал. Спросил:

— Слушай, ты вообще умеешь жизни радоваться, улыбаться хотя бы?!

Ждал, что разозлится, велит не задавать глупых вопросов, однако мать лишь вздохнула:

— Когда-то умела. Душой компании была.

— А почему разучилась?

— Жизнь, Сашка, такая. Не до смеха. Думаешь, легко две ставки тянуть, да еще подработки?

Впрочем, сколько ни пахала, а жили они так себе. В отпуск мама никуда не ездила, а его на каникулах отправляла только в детские лагеря (если удавалось льготную путевку достать). Телевизору — лет сто, все краски выцвели, компьютера или даже простенького смартфона у Сашки не имелось. Попытался влиять на мать, укорял:

— Что за жизнь у нас с тобой! Вообще никаких удовольствий!

Но матушка сухо ответствовала:

— На удовольствия нужны время и деньги. А я одна нас обоих кормлю. Плюс плачу за твою гимназию!

Впрочем, Сашка не сомневался: даже будь у мамы лишние деньги и время, все равно не станет она развлекаться. Может, когда-то и была хохотушкой, но сейчас жизнь прижала. Скрытной родительница стала, сухой, нерадостной. Никаких подруг, никогда в доме у них не устраивалось вечеринки, не бывало спиртного. Даже на Новый год обходилась единственным бокалом шампанского и самым началом «Огонька», а уже в час ночи отправлялись спать.

Покуда Сашка был мелким, приходилось терпеть: бесконечные уроки, английский, режим и скучные фильмы по телеканалу «Культура».

Но теперь он вырос — целых пятнадцать! — и против маминой диктатуры восстал. Все чаще, с разрешением или без него, сматывался из дома. Тусовался с друзьями, смотрели нормальное кино по ди-ви-ди, задирали девчонок, учились курить,

резались в карты. Маман скандалила, постоянно гонялась за ним: то с «Островом сокровищ» на английском, то с идеей, чтоб он тоже шел подрабатывать. На почту, за три тысячи в месяц — смех!

Сашка мамину идею зарубил на корню: пусть родительница сама горбатится за копейки. А он для себя уже решил, что специальность будет получать простенькую, но денежную. Автослесарь, установщик кондиционеров, даже повар — если нормально устроятся! — получают в разы больше, чем школьная училка, свободно владеющая английским.

А пока что удалось наврать, что ему уже семнадцать, и устроиться барменом. Точнее, мальчиком на побегушках при бармене. Подавал бутылки, мыл стаканы, смотрел, как смешивают коктейли. К чаевым сопляка, конечно, не допускали, но пресловутые три тысячи он влегкую зарабатывал за неделю! Хоть джинсы себе нормальные смог купить и пару правильных маек, а теперь копил на комп.

Но мамино умение монотонно, старательно откладывать каждую копеечку Сашка не унаследовал. Столько искушений вокруг! И коктейли, и сигареты, и девчонки постоянно клянчат: то цацку, то шампусик. Еще в карты с пацанами играли. Тоже на деньги. Ставки не бог весть какие, но штуку за полчаса Сашка однажды спустил. Обидно, конечно, зато — впервые в жизни своей скучнейшей! — почувствовал: мир вокруг — не упорядоченный, не серый. Он полон ярких красок, непредсказуем, азартен!

Вольной жизнью Сашка старался не злоупотреблять: все ж таки жаль было совсем уж разочаровывать мамашу. Уроки кое-как, но учил; когда парни на спор решили магнитоу из чужой машины вытащить, в аванюре не участвовал. Маман — по-прежнему вся в работе — пребывала в святой уверенности: сынуля ее — почти пай-мальчик. Троек в дневнике почти не бывает, в школу не вызывают.

Но однажды попались: резались на школьном стадионе в «очко» и не заметили, как директор подкрался. Начал вопить, изъяс колоду, деньги, что стояли на кону, и велел на следующий день всем явиться с родителями.

Сашка расстроился. Нет, бить или под замок сажать мамаша не будет. Но представлял, как вспыхнут разочарованно ее выцветшие от постоянного корпения над книгами глаза, вытянутся в укоризненную струнку губы, — и настроение совсем стало нулевым.

Вечером выбрал минутку, когда маман, между проверкой школьных тетрадок и очередным переводом, присядет передохнуть на продавленный, ветхий диванчик, и бухнул:

— Тебя Пал Палыч вызывает.

— Павел Павлович? — удивилась она. — Зачем? Мы с ним сегодня на педсовете виделись.

И Сашка, понурясь, поведал о своем преступлении.

— Ты играешь в карты? На деньги?! — Мама выглядела растерянной.

— Да какие там деньги, — насупился Сашка, — на интерес. Сто рублей, от силы, на кону.

— И во что же вы играете?

— А, ты все равно не знаешь, — отмахнулся он.

— И все-таки?

— Ну, в «очко».

Мама продолжала испепелять укоризненным, скорбным взглядом.

— Ну, ма-ам! — заныл Сашка. — Ну не буду, не буду я больше!

Мать молча встала с продавленного диванчика. Вышла из комнаты. «Неужели реветь пошла?» — гадал Саша. Но нет — вернулась быстро, глаза — сухие. А в руках — он просто глазам своим не поверил! — запечатанная карточная колода.

Похоже, ждал его очередной *педагогический прием*. Матушка подобные штучки обожала. Выписывала, например, на карточки всякие невинные словечки типа «блин» или «отстой» и заставляла сына ритуально их сжигать. Неужели сейчас и колоду карт (а ведь дорогие, на хорошей бумаге, откуда только в их доме взялись) спалит?

Но нет!

Маман коробочку распечатала, высыпала карты на стол, ловко — только пальцы с коротко остриженными ногтями мелькали — выстроила подобие домика, с треском разрушила его, лихо картишки перемешала.

Саша взглянул на нее чуть ни со страхом:

— Эй, мам! Ты чего?

А она холодно улыбнулась:

— Почему играем? По сто — или на пятьсот решишься?

— С тобой? Играть?! — искренне изумился он.

Мама же небрежным жестом метнула на стол тысячную купюру:

— Я поставила. Отвечай.

Сашка хмыкнул. Сбежал к своему тайничку. Притащил восемь тысяч — все, что было.

Матушка ловким жестом швырнула ему девятку, пятерку и двойку.

Он только считать начал — маман уже улыбается:

— Шестнадцать. Еще?

— Ну... давай.

И — оп-па! — сразу перебила блек-джеком.

Без стеснения загребла его тысячу.

Тут же сдала карты снова. Еще хуже: две семерки. А себе — двух дам.

Сашка в восхищении взглянул на нее, молвил:

— Мам! Ты, что ли, шулер?

Она холодно улыбнулась:

— Ставь еще тысячу и сплитуй.

— Чего?

— Даже терминов не знаешь, — укорила. — Удваивай ставку и разделяй. Другого выхода нет.

— А смысл? — вздохнул сын.

Но деньги поставил.

К первой семерке пришли туз и тройка — очко! Только вторую ставку проиграл.

— Хотя бы при своих! — похвалила мама.

Но, несмотря на ее подсказки, восемь его тысяч уплыли — двадцати минут не прошло.

Надеялся, мама проигрыш вернет — нет, аккуратно расправила купюры, положила в старенький, из кожзаменителя, кошелечек. Произнесла снисходительно:

— Понял что-нибудь?

— Понял, — ухмыльнулся он в ответ. — Ты у меня, оказывается, крута!

Мама же грустно вздохнула:

— Саша, не о том речь. Я играю на среднем, зауряднейшем уровне. Просто тебе объяснить хотела, что ты только у мальчишек выигрывать можешь. А попадись на твоём пути даже самый слабый из профессиональных игроков, шансов у тебя никаких. Все сольешь. В кабале окажешься.

— Но ты научишь меня? — загорелся он.

Однако мама только помотала головой. Хмуро произнесла:

— Никогда! И если еще раз услышу, что ты на деньги играешь, — ты мне не сын.

Горько добавила:

— Слишком многих я видела, кто из-за карт свою жизнь под откос пустил.

— Но ты-то сама играешь суперски! — возразил сын. — Бросай свою школу и на круизный лайнер устраивайся! В казино, дилером! А я к тебе в ученики пойду.

— Ребенок ты еще, Сашка! — печально вздохнула она. Веско добавила: — Я дала себе зарок, что больше играть не буду — никогда. Ни при каких обстоятельствах. Все, разговор окончен.

Лицо — суровейшее, Сашка сразу поверил.

И даже подумать не мог, что его твердая, будто камень, сухая, как прошлогодняя листва, мамаша зарок свой в ближайшее время нарушит.

Надя Митрофанова иногда очень жалела, что она не политик. В Думе не заседает, собственной фракции не имеет, законопроекты лоббировать не может. А если б могла — первым делом бы протасила на голосование полный запрет на гляцевые журналы. Точнее, не на журналы как класс, а на бесконечных тощих девиц, которые улыбаются почти с каждой страницы. У каждой, ну ведь у каждой размер одежды — сорок второй или даже меньше! Талии тонюсенькие, ручки цыплячи. А модные разделы — вообще кошмар. Сколько раз Надюха присматривала себе кофточку в свете последних тенденций, отправлялась в магазин, точно такую же находила, примеряла. Однако на ее фигуре — среднестатистической — наряд смотрелся — впору в зеркало плюнуть. Типичный пример, как вводят покупателя в заблуждение! Можно в суд подать и дело выиграть.

Даже с Полуяновым, своим любимым мужчиной, однажды мыслями поделилась. Но тот обидно заржал:

— Наивная ты, Надюшка! Даже будь ты в Думе, выдвини подобный закон — его ж зарубят на корню! Депутаты — в большинстве мужики. Если запретят девок тощих, на кого им тогда глазеть?

— Ты мне сам говорил: мужчина — не собака, на кости не бросается! — парировала она.

И Димка честно признался:

— В постели, кто спорит, с мягонькой лучше. А в свет выводят худеньких. Ничего не поделаешь. Так принято.

Ох и обидно ей стало! Крутишься целыми днями. Помимо работы, творишь в доме уют, колдуешь в жаркой кухне над разносолами. Еще и в тренажерный зал приходится бегать, чтобы не превратилась ее *среднестатистическая* фигура в откровенно толстую. Полуянов всегда ухожен, сыт, никогда ему не устраивается ни истерик, ни скандалов. Но все равно: мечтает втайне о тощенькой! А то и давно себе завел, только маскируется успешно.

Когда-то Надя готова была в лепешку разбиться, только чтобы Полуянову, блестящему денди, соответствовать. Тело, дух, вкус постоянно развивала, волосы подкрашивала — строго раз в три недели, маникюр всегда безупречный, за новостями следила, терпеливо смотрела вместе с другом сердечным ненавистный футбол и скучнейшие политические ток-шоу.

Но со временем Митрофанова помудрела. Поняла: превратиться в гламурную красотку у нее все равно не получится. Да и устала постоянно себя блюсти. И теперь, если хотелось ей не тащиться в парикмахерскую, а поваляться с книжкой, — оставалась дома. Уставали ноги от каблуков — отправлялась в ресторан в удобных мокасынах.

Димка однажды даже съязвил:

— Скоро будешь дома в бигудях расхаживать!

До этого пока не дошло, но вместо пикантных халатиков Надя все чаще надевала удобный спортивный костюм.

Оправдывалась перед Димкой:

— На работе дресс-код, где еще расслабиться, если не дома?

...Надя теперь заведовала в своей библиотеке залом Всемирной истории. На правах начальницы присутствовала на всех совещаниях у директора и уж на работу в джинсах-кроссовках ходить точно не могла. Не поймут.

Впрочем, Полуянов над ее солидными костюмами тоже посмеивался:

— Тебе, Надька, халы на голове не хватает и золотых перстней на пальцах.

Жуткий человек! Живешь с ним, будто на пороховой бочке!

И постоянно преследовал девушку кошмар: вдруг увидит она Димину виноватую улыбку, услышит сбивчивое объяснение: «Извини, я встретил другую». Все тогда. Останется она одна в целом свете.

У них ведь с Димкой до сих пор даже не семья, а, как в протоколах полицейских пишут, «сожительство». Но если она для Полуянова — всего лишь отдушина и тихая гавань, то журналист для нее — все.

«На тренинг, что ли, какой-нибудь психологический пойти, — иногда думала Надя, — самооценку собственную повесить?»

Но сил и времени еще и на это, конечно, не находилось.

Оставалось лишь сравнивать себя с иными посетительницами читального зала — и тихонечко радоваться.

Библиотека ведь — всем известно! — любимое место для всевозможных чудаков. Только в Надин зал постоянно ходили несколько старых дев в хлопковых колготках, три наркоманки, две истерички,

пяток откровенных толстух, и не счесть — просто уродин. В сравнении с ними она — просто звезда!

Хотя Полуянов — он частенько заглядывал в историко-архивную библиотеку за вкуснейшими пирожками в буфете и редкими книгами, которые по благу доставались ему без очереди, — почему-то обожал убоженьких посетительниц Надиного зала очаровывать. Причем чем страшнее экземпляр, тем больше соловьем разливался.

Дамы (в большинстве своем кандидаты наук, читатели без ученой степени в привилегированные залы допускались только по особому ходатайству) Полуянова тоже обожали. Несли ему в подарок собственные монографии с дарственными надписями (журналист всегда горячо благодарил). Топорно кокетничали, просили его подписать газету с очередной бомбой-статьей (вот Димка важничал!).

А Надя хмурилась.

— Что ты сердишься? Мужчинам для здоровья надо, чтобы им поклонялись. Кто угодно! — однажды сказала Наде Ирина Андреевна.

Ирина Андреевна тоже являлась читательницей зала Всемирной истории. Но вот уж кого «библиотечной дамой» не назовешь! Пусть ей за сорок, не красotka, мать-одиночка и одевается неброско. Зато энергии, оптимизма, жизненной мудрости — на пятерых хватит! Митрофанова с ней, можно сказать, дружила. Удивительным образом Ирина Андреевна умела выслушать, дать совет, рассмешить-подбодрить, если настроение плохое. Хотя являлась доктором философских наук, званием своим высоким не кичилась, заумных словечек

вроде «генезис» или «экстраполяция» не употребляла. И не скрывала от Митрофановой, что служба в университете — для нее скорее хобби. А *живет* на то, что пишет курсовые работы, дипломы, диссертации. Для богатых людей, на заказ.

Надя, когда узнала, слегка опешила. Пророботала:

— Как-то это... не слишком честно, по-моему.

— А, нормально! — беспечно отмахнулась Ирина Андреевна. — У кого нет времени по хозяйству возиться — берет домработницу, кто боится за рулем ездить — шофера. Диссертацию написать — точно такая же услуга. Я ее оказываю — и получаю вознаграждение, все справедливо.

Сунула Наде пачку читательских требований, в этот раз — на литературу по музыковедению. Шепнула заговорщицки:

— Видела бы ты заказчика! Мальчик, двадцать пять лет, способности заурядные, снобизма — через край. Зато папа — нефтяник, президент управляющей компании. Скрипку Страдивари, можешь себе представить, сыну купил! И ученым званием решил обеспечить.

— Неужели вам не обидно? — вздохнула Митрофанова.

— Мне куда обидней, когда я свою зарплату несерьезную в университете получаю, — заверила Ирина Андреевна.

«Я бы от такой работы с ума сошла!» — мелькнуло у Нади.

А Ирина Андреевна — ничего, увлеченно шелестит страницами, с довольным видом кивает, когда удается *мысль по теме* найти и выписать.

Надя бы совсем поверила, что не смущает читательницу ее положение научной служанки, если бы не случай.

В тот день, когда говорили о диссертации для музыканта, у нее заболела помощница, и Митрофановой пришлось — несмотря на статус начальницы зала — самой сбрасывать (то есть возвращать в хранилище) вчерашние книги читателей.

И вдруг из талмуда, который читала тогда Ирина Андреевна, вывалился листок. Обычный, тетрадный, в клеточку. Читатели частенько забывали что-то в книгах. Митрофанова специально не искала, но коли находила — всегда откладывала. И потом отдавала, даже не читая. Сейчас тоже собиралась отложить бумажку в ящик стола. Но взглянула совершенно случайно и опешила. На листочке значилось единственное слово:

— НЕНАВИЖУ!!!

Почерк точно принадлежал Ирине Андреевне. Ее аккуратную вязь ни с чем не спутаешь.

Митрофанова вздохнула, понимающе улыбнулась. Лукавит, оказывается, читательница! Не слишком ей легко дается быть *ученой на побегушках*. Что ж! Не самый плохой способ выбрала — сбросить напряжение, снять стресс.

Пусть работу свою ненавидит, зато приезжает в библиотеку на машине. И съездить за границу может себе позволить.

* * *

— Сегодня в десять будь дома, — велел с утра отец.

— Зачем еще? — скривился Юрик Гречишников.

— Будут гости. Сыграешь им что-нибудь. Аккомпаниатора с собой привези. Я заплачу.

— Пап, слушай! Ну, надоело! — заворчал сын. — Что я тебе — обезьяна ученая?

Но папаню не прошибешь, только хмыкнул:

— Обезьяны в ночных клубах кокс нюхают. А ты у меня, наоборот — гордость. Подающий надежды музыкант.

Юрик вздохнул. Спасибо, конечно, отцу, что верит в него. Что помогает — устраивает приглашения на *настоящие* концерты, оплачивает лучших педагогов, купил хороший инструмент, выделил в доме специальную комнату для репетиций — с шикарной акустикой. Но много и неприятного от родителя исходило. То решает папочка, что сын обязательно должен диссертацию защитить. То гостей его развлекай, как сегодня.

Но спорить с магнатом Гречишниковым не решался никто. И уж тем более — его собственный сын.

— «Времена года» Вивальди сыграю, — покорно кивнул Юрик. — Тебя устроит?

* * *

Полуянова в последнее время стала раздражать родная редакция — безумно.

То они, видишь ли, возьмутся Сталина воспевать, а для него усатый был и оставался тираном и кровавым душегубом. То оппозицию, и без того чахлую, кинутся изводить, а Дима считал, в речах протестующих много разумного имелось. Да и по большому счету пресса, полагал журналист, всегда, по самому своему предназначению, должна про-

тивовесом власти быть, а не дуть с ней в одну дуду. Быть той самой щукой, чтобы караси — чиновники разных масштабов — не дремали. И не дело для газетчиков гладить начальству кормящую руку. И тем паче лизать ее.

Это были разногласия, можно сказать, эстетические, как Андрей Донатович Синявский некогда выразился. Однако потихоньку *эстетика*, сперва незаметно, а затем все более ощутимо Полуянову в его повседневной работе мешать стала. Вот зацепил Дима, к примеру, грустную историю. Потом раскопал, дошел до сути, в настоящую бомбу превратил, и...

События случились в областном центре К*** неподалеку от Москвы, в нечерноземной полосе, и начинались они для наших времен очень даже тривиально: молодой человек на «Лексусе» последней модели сбил на пешеходном переходе женщину сорока восьми лет. Юноша по имени Камынин Святослав, девятнадцати лет от роду, был задержан. Документов на «Лексус», принадлежавший на правах собственности его матери, Камыниной Софье Евгеньевне, равно как и водительского удостоверения, при нем не оказалось. По свидетельству очевидцев и полицейских, оформлявших ДТП, он был сильно пьян. От медицинского освидетельствования юнец отказался, вел себя вызывающе, держался высокомерно, угрожал. Был препровожден в отделение, где пара полицаев во главе с дежурным его слегка успокоили. (Впоследствии они же больше всех и пострадали, да их не жалко, не будут руки распускать — мало ли, что они чесались юнца отоварить!)

Вот кого было действительно жалко, так это сбитую женщину, Державину Юлию Константиновну, — она к утру скончалась в больнице. Погибшая оказалась учительницей чуть не с тридцатилетним стажем и человеком, в городе уважаемым. Возникло, практически стихийно, возмущение, в ходе которого небольшой отряд разгневанных горожан выдвинулся в сторону отделения, где находился задержанный Камынин. Они хотели чуть ли не линчевать недоросля, однако к ним вышел начальник отделения и сообщил, что гражданина уже успели доставить в суд. Толпа отправилась в сторону суда. По пути она теряла сторонников, чей энтузиазм угасал, однако приобретала новых — и в итоге у здания суда оказалось уже человек сорок. На крыльцо к ним выпустили козла отпущения — клерка из отдела по связям с общественностью. Тот проблеял, что заседание, решавшее вопрос о содержании гражданина Камынина под стражей, уже состоялось и юнец отпущен до суда. Откуда-то, впрочем, нашлись свидетели того, что не просто отпущен: за молодцем заехала на внедорожнике «Мерседес» лично его мамаша. А кроме того, мальчика-мажорчика отпустили, даже не взяв подписки о невыезде.

Тогда толпа разделилась, большая часть, по пути обрастая сторонниками, отправилась к дому в центре, где проживали Камынины. Оставшиеся у суда возмущенные попытались разгромить здание — били окна, хватали за грудки клерка, пытались ворваться внутрь. Полицейским на посту охраны пришлось даже стрелять в воздух. А вскорости прибыл ОМОН, разогнал толпу и задержал восьмерых

человек, которых впоследствии назовут зачинщиками. Другая группа отряда особого назначения прибыла к фешенебельной новостройке, где кучковались другие разгневанные, и рассеяла их, схватив для острастки еще четверых.

Дима рванул в К*** тут же, как прочитал о событии в Твиттере. Когда он чувствовал запах жареного и привкус творящейся с простыми людьми несправедливости, никто ему был не указ — ни Надя, ни главный редактор. Он работу и семью только в известность поставил, уже с шоссе: еду, мол, по горячей теме, подробности последуют.

В итоге над материалом с самого, почитай, первого дня стал работать единственный из журналистов. Полтора месяца на тему убил. Три раза в К*** мотался. Присутствие в городе корреспондента уважаемой газеты из Москвы хоть немного ретивость местных властей охладило. Они ведь хотели сперва закатать всех двенадцать задержанных по статье за организацию массовых беспорядков. Однако, слава богу, «зачинщики» отделались штрафами — пусть, по нынешним временам, деньги оказались немалыми, да интернет-сообщество бросило клич, скинулось, выручило.

При Полуянове и похороны учительницы Державиной прошли — таких спецкор еще не видел, если не считать погребения Брежнева или Ельцина. Казалось, полгорода пришло, тысяч пятьдесят, наверное. Полицейских в оцепление со всей области свозили, и даже солдатиков пригнали из соседней части. На кладбище хватало горячих речей, однако от новой вспышки беспорядков уберглись.

Местные СМИ молчали о происходившем, как зарезанные — равно как и крупные московские средства массовой информации. Только на «Дожде» появился репортаж да на «Эхе Москвы» прямые включения. И в «Новой газете» заметочка на восьмушку полосы. Так что у Полуянова на эту тему был полный эксклюзив.

Невольный убийца, Святослав Камынин (которого все его местные друзья кликали Святом), благополучно исчез. Народ до него не добрался. Полиция — тоже. Говорили, он удрал из города — и из страны тоже. (Недаром суд его в то первое утро выпустил и даже подписку о невыезде не взял. Для того и выпустил, был уверен Дима.) Через три дня под давлением общественности суд переменил решение, и Камынина объявили в розыск. Но к тому времени из К*** сгнула и его мать, Софья Евгеньевна.

Дима стал выяснять тайные пружины происходящего, считая их самыми важными в истории. Выяснилось, об этом говорили многие, а местные блогеры даже предоставили корреспонденту доказательства в виде многочисленных фотографий, что Софья Камынина, мать Свята, женщина видная и одинокая, состоит в интимной связи с неким Эдуардом Николаевичем Серафимкиным. Они даже проживают совместно в обширном доме в предместье города К***. К тому же Серафимкин купил для нее (копии договоров прилагались) две квартиры в центре (в одной из них в одиночестве прописался тот самый сынок Камыниной от первого брака Святослав).

По документам Серафимкин был хозяином скромного ООО «Пост-экс», а на деле являлся богатейшим в области и влиятельнейшим человеком. Передвигался по К*** в бронированном «мерсе» с джипом охраны и с мигалкой, даже в столицу в подобном сопровождении навевывался. Денег, как рассказывали, у него был вагон, потому как выигрывал богатей местного розлива чуть ли не все тендеры, которые объявляли местные власти. Побеждал он на конкурсах по распилу народных денег, разумеется, не самолично, но через подставные структуры, зарегистрированные на многочисленных родственников и верных людей — в том числе на Софью Камынину и ее сына. Владел, как говорили, половиной города, включая все окрестные бензоколонки, подпольные игорные заведения и проститутки. И ничто Эдуарда Николаевича не брало: ни прокуратура, ни налоговая, ни тем более простые полицейские. А все потому, что — злые языки в городе о том не то что шептались — вопили: он, оказывается, в свое время с нынешним губернатором К-ской области Валерой Жижикиным в одном классе учился, а после даже в Советской армии в одной роте служил. Давал ли Серафимкин откаты лично Жижикину? Платил ли ему прямо и непосредственно? На этот вопрос жители города тоже отвечали утвердительно — правда, никакого документального подтверждения данному факту Полуянов, увы, не нашел.

Зато подо всю остальную фактуру у него была подложена мощная доказательная база — не подкапашься. Фотографии, ксерокопии, огромная папка документов подтверждали едва ли не ка-

ждуя запятую в его будущей статье. А Дима постепенно стал воспринимать историю едва ли не как персональную вендетту, а Жижикина, Серафимкина и Камыниных — как личных врагов. А все потому, что, после того как первый шок, горячка и одновременно столбняк у местных властей прошли, те поняли, откуда ветер дует, и начали делать все, чтобы дезавуировать будущую полуяновскую статью и скомпрометировать ее автора. Приступили проверенными (и часто действенными) средствами: напоить, соблазнить. Когда журналист не повелся, задержали в городе якобы за вождение в нетрезвом виде, продержали ночь в обезьяннике, отпустили, извинились. Хмурые личности звонили ему по мобильному телефону, угрожали. Написали телегу в редакцию от имени несуществующих жителей города: дескать, спецкор ваш врет, пьет, дебоширит, морально разлагается. В последнюю командировку в К*** Полуянов уже как на фронт ехал. Захватил с собой из Москвы редакционного юриста, чтобы тот каждый его шаг по городу документировал.

С кучей народа Дима встречался и после, уже в Москве. Его интересовал, среди прочих, вопрос о непотопляемости губернатора Жижикина. Тот наместником был в области уже одиннадцатый год, а ведь даже высшего образования не имел товарищ, только вечерний техникум. Уже будучи в должности, получил, правда, губернатор корочки местного политеха (заочно), а заодно, всего через одиннадцать месяцев после выпуска из вуза — удостоверение кандидата технических наук (что уж мелочиться!). При том, что о грамотности влас-

ти предрержащей ходили легенды. Он писал в резолюциях: «через чур» вместо «чересчур» и «за ранние благодарю» (вместо «заранее»). Дима сам видел его собственноручную запись из восьми слов, в которых правитель совершил десять ошибок. Но в итоге секрет nepoтoпляeмoсти Жижикина оказался прост. Будучи еще совсем молодым человеком, сразу после армии, он, оказывается, работал в садовом некоммерческом товариществе «У озера» — том самом, знаменитом, откуда вышли все нынешние расейские высокие начальники. Трудился он там, как говорили, простым охранником — а вот поди ж ты, система своих не бросала, пристроили товарищи на теплое место.

В итоге Полуянов писал статью, как давненько не работал — с горячностью подзабытой, юношеской. Аж временами от праведного гнева и обиды за державу задыхался. Но старался сдерживаться. Понимал, что время лупить открытым текстом прошло, осталось безвозвратно в начале нулевых. Теперь требовалось не шуметь с открытым забралом, а быть хитрым, осваивать язык Эзопа. Что ж! Диме приходилось, в полном соответствии с работой господина Фрейда «Об остроумии», переплавлять свой гнев и горечь в иронию и сарказм. Еще и лучше получалось!

«Беда не в том, что у нас есть неприкасаемые, — строчил он, как всегда, от руки. — К этому уже все давно привыкли. И если бы речь шла о самом губернаторе или членах его семьи, если бы они раздавили на пешеходном переходе человека — народ поворчал бы и забыл. Ужасно, конечно, но это наша действительность. Так уж заведено на земле

русской: наместники всегда злоупотребляли и воровали, кого ни поставь. Одна надежда — на доброго царя. Одна вера: услышит он о творимых в К-ской области безобразиях, прогневаается, да и выгонит губернатора. Однако в случившейся истории и губернатор, получается, ни при чем. Силовое поле его могущества окутало защитным облаком и бизнесмена Серафимкина, и, как оказалось, его сожительницу, и даже сына сожительницы.

Вы бы уж сказали тогда, товарищи, заранее, на каком удалении от местного трона кончается неприкасаемость? Или опознавательные знаки специальные неприкасаемым выдавали. Стикеры на машину, на одежду: «Давить могу всех», например. Или: «Убью любого, и мне ничего не будет». А то ориентироваться, право, трудно! Вот народ и недоволен. И патрульные полицейские ни за что пострадали: избили пьяного лихача, как любого на его месте отмузузили бы. И — накололись. Не признали владетельного сына. И были с позором изгнаны из рядов».

Получился у Полуянова супергвоздь, длины неимоверной и силы нечеловеческой — с продолжением, на четыре полосы. Сдал статью Дима, как всегда бывало с подобными стремными темками, не обычным порядком, через секретариат, а непосредственно главнуге. И началась какая-то нехорошая, подковерная мышьяная возня. То Анатолий Степанович пронесется мимо по коридору, воскликнет с непонятной ухмылочкой в адрес Димы с неким преувеличенным даже уважением: о, привет нашему золотому перу! То после летучки обро-

нит мимоходом: решаем, решаем твой вопрос, и, главное, непонятно, почему *твой* вопрос, как будто он проситель и чего-то личного своей статьей добивается. И ведь, главное, согласовывал Полуянов тему с главным редактором, когда еще из самой первой командировки в К*** вернулся. Да и потом, по ходу дела, докладывал ему в общих выражениях и получал всякий раз карт-бланш: продолжай копать. А теперь, у финишной черты, дело застопорилось.

И когда главнюга вызвал его в кабинет для разговора, сразу, уже по слегка виноватому виду тертого калача Степаныча, понял Дима, что дело швах.

— Может, чайку приказать? — предложил редактор. — Или коньячку?

— Нет, спасибо, Анатолий Степанович, — отстранился Дима. Ему сразу, по выражению и тону редактора, все стало ясно; оставалось только поглядеть, как извернется главнюга, в какие слова облечет свой вежливый отказ. И Полуянов решил не лишать себя удовольствия, начальству не помогать, с любопытством энтомолога пронаблюдать за чиновными судорогами до самого конца.

— Да, по поводу твоей статьи. Ты помнишь, я с самого начала был от нее не в восторге.

Ничего подобного Полуянов не помнил, поэтому сухо ответил:

— Разве?

— Легче легкого было зарубить ее сразу. В ней много спорного и много излишне горячего. Но я хотел ее напечатать — прежде всего, ради тебя. Что-то ты в последнее время совсем нас перестал баловать острыми материалами.

«Ну, вот и без наездов не обошлось, — отстраненно подумал журналист. — Наверняка во многом я сам окажусь виноват».

— Однако ты ж понимаешь, Дима, — продолжал Анатолий Степанович, — ты в редакции не один. И я отвечаю за всю ее. За всех вас. И всех вас прикрываю. И сейчас тебе говорю: подожди, Дима. Пока не время нам вылезать с этой статьей. Я зондировал почву... там, — последовал красноречивый жест: указательный палец ткнул в потолок. Собеседник минуту подождал, однако, лишенный спасительной Диминой реплики, принужден был продолжать: — И все до единого говорят: лучше повременить. Поэтому давай, Полуянов, повторим попытку позже, когда все уляжется. Ты, конечно, волен свой материал забрать, и я не буду против, если ты его напечатаешь в каком-нибудь другом издании, — презрительное лицо главного выразило все его крайне снисходительное отношение к прочим средствам массовой информации, вместе взятым. — Однако я, откровенно говоря, тебе не советую. Не время пока. — Новая пауза, и, так как репортер хранил молчание, главнюга, делая над собой усилие и преодолевая, как видно, определенное внутреннее сопротивление, продолжил: — Ты, конечно, за то, что я от такого горячего материала отказался, можешь считать меня дураком, но...

Диме надоело зрелище агонизирующего главнюги, и он встал, сказал:

— Дураком считать не буду. А трусом — да.

И вышел из кабинета.

* * *

Распечатанную свою статью, на «собаке», он видел на столе у главного, но забирать ее не стал. Демонстрация была бы, конечно, впечатляющей — но какой в ней практический смысл, если она вся хранилась у Полуянова в рабочем компьютере? В любой момент посылай, хочешь — в «Новую газету», а хочешь — на «Эхо Москвы». Или... А что — или? Куда еще можно ее пристроить? Коротка скамейка средств массовой информации, которые позволяют себе нынче правду. Даже трудно поверить, что, когда Дима начинал, все вокруг были откровенны наперебой. А теперь хочешь быть журналистом — лги. Ну, или отправляйся во внутреннюю эмиграцию — писать про культуру, спорт, природу и животных, как в советские времена народ поступал. Можно также звезд и звездочек нынешних поливать или облизывать. Ну а время журналистских расследований прошло. Или, оптимист скажет, еще не наступило по новой. Поэтому пулю, которую он отлил, несмотря на все эфемеризмы, мало кто в Москве напечатать захочет или тем паче по радио передать. Если только в Интернете разместить, на «Всемирном журнале», допустим. Тоже, на худой конец, вариант. Да только в Сети не платят — а что они с Надеждой кушать будут?

Журналист вернулся в свой кабинет. У него в пользовании имелась крошечная клетушка, однако ото всех отдельная. А он, как оказалось, в итоге не особо даже расстроился. Он понимал, к чему дело шло. Просто теперь для него появился стопудовый повод остановиться, оглянуться и подумать:

как быть ему дальше и что делать? А сейчас, чтобы прогнать от себя очередное разочарование, он решил принять пару рюмочек.

В углу кабинета еще с советских времен стоял сейф, а в нем — дежурная бутылка коньяка на самый экстренный случай, если забредет в кабинет не какой-нибудь ушлый, желающий продолжить на халяву коллега, а дорогой, неожиданный гость. Например, особо уважаемый автор. Или старый приятель, вроде опера Соловьева. Или, чего уж греха таить, удивительной красоты фемина, к которой он вдруг вспыхивает глубочайшей страстью.

Однако фемины, откровенно говоря, здесь давно не появлялись. Особо уважаемые друзья, включая опера Соловьева, тоже не торопились. Вот и приходилось теперь использовать тревожную бутылку, чтобы снять стресс и залить разочарование. А оно, разочарование, чего уж скрывать, конечно, имелось — потому как и надежда, признаемся честно, у спецкора до недавнего момента теплилась.

Заливать горе вином Дима терпеть не мог. Равно как и керосинить на радостях. Слишком многие коллеги-журналисты на его глазах из-за этой проклятой привычки теряли сначала свои способности, а потом, довольно скоро, и работу, семью, и самих себя. Поэтому Полуянов не признавал никаких поводов, не велся на предложения — давай, мол, вспырснем неудачу, посидим, попроклинаем всех подряд: редакторов, губернаторов, страну и строй. Дима рассматривал коньяк лишь как редкое лекарство, антидепрессант и транквилизатор

в одном флаконе, поэтому выпил одну за другой пару рюмок.

Полегчало, потеплело — и он засобирался домой, к Надежде, не останавливаясь, не откликаясь на звонки и на устные предложения скоротать совместно вечерок.

Вечернее метро тоже оптимизма Полуянову не прибавило. Несмотря на девять вечера, поезда шли полными — как притиснули его к двери, так почти до самого «Медведкова» ехал. Зато появилась возможность спокойно подумать.

Радоваться, конечно, было нечему, однако спасибо главнуге за то, что он предельно прояснил обстановку. Значит, дилемма представлялась простая: либо покорно скушать все, что ему Анатолий Степанович выкатил, и как ни в чем не бывало приходить на работу и расследовать в дальнейшем, от кого родился ребенок у Киркорова. Либо — забрать статью, хлопнуть дверью и пойти свататься куда-нибудь в оппозиционное издание.

А пока шел от метро к дому, придумал кое-что здравое: посоветоваться с Надеждой. Он ее в свои редакционные дела обычно не посвящал. С одной стороны, берег, конечно, но и высокомерничал: что она, простая библиотечка, может понимать в высоких материях! А сейчас, когда по-настоящему припекло, когда по самому большому, гамбургскому счету совет ему понадобился, решил с невенчанной женой поделиться. Однако одновременно загадал (глупо, конечно, и даже подловато, но все равно): если вдруг будет Надежда уверять, что надо утереться, бросить статью в урну и за-

быть, и работать дальше, как работал, — тогда он вспылит и, скорее, самое Надежду бросит!

А почему нет? Почему бы Полуянову не бросить разом все?! Как заманчиво! Покинуть и работу, и Надю! Сдать на длительный срок оставшуюся от мамы квартиру и уехать, допустим, в Таиланд, денег хватит. А там провожать закаты, предаваться тайскому массажу со смуглой покорной аборигенкой и, наконец, начать писать свой давно вынашиваемый роман века. Как соблазнительно!

НАДЯ

Целый день сегодня лил дождь, и Димка пришел с работы — под стать погоде. Хмурый, бледный, язвительный.

Надя, по счастью, была уже опытной *спутницей жизни*, потому осаждать любимого вопросами «Что случилось?» с порога не стала. Не стала и приноживаться, хотя знала: Полуянов всегда мрачный, когда начинает трезветь. Неужели (дурацкие вольные газетные нравы!) опять что-то отмечали посреди рабочего дня?

Продолжала осторожно приглядываться к сердечному другу. Нет, тут не алкоголь. Точнее, не он один. Димку мысль какая-то гложет. Похоже, не слишком приятная.

Полуянов молча переоделся в домашнее. Рубашку, против обычая, не на кровать швырнул, а дисциплинированно отнес в бак с грязным бе-

льем. Вымыл руки — хотя обычно, будто маленькому, приходится напоминать.

«Не просто хмурый, но еще и послушный. Тревожный симптом», — заволновалась Надя.

Но вид продолжала сохранять самый благодушный, приветливый. Весело объявила:

— Сегодня на ужин у нас шашлык. Настоящий. Я сделала в маринаде на минералке, как ты любишь! И пожарила в духовке, на шампурах.

Ждала, что хотя бы сейчас отгадет, улыбнется, побежит к бару вино выбирать, но Димка лишь вяло улыбнулся:

— Отлично.

И взялся за мясо — нежнейшее, да с пылу с жару — без малейшего аппетита.

Наде очень хотелось разразиться саркастичским: «Кто тебя накормил-то?» Но она снова удержалась. Хотя внутри вся кипела от возмущения. Как пропаганда смеет утверждать, будто у мужчин с женщинами в России равные права? Ты, как взмыленный пони, мчишься с работы — прямоком к плите, тут же бросаешься жарить-парить, даже чайку некогда выпить. А барин приходит точно к горячему ужину и ковыряется с кислым видом, ни спасибо тебе, ни слова ласкового.

А она — нет бы высказать суженому все, что о нем думает, дрожит: почему хмур, глаза отводит? Не последует ли сейчас — вечный ее тайный кошмар — реплика: «Извини, Надюшка, не знаю даже, как тебе сказать... кажется, наши отношения себя исчерпали»?

Только бы миновала сегодня гроза!

Димка, пусть без аппетита, мясо поклевал, овощами (тоже на гриле пожарила!) заел — и, счастье, повеселел, размяк. Привычным жестом обнял Надю за сдобную талию, чмокнул в щеку, румяную от кухонного жара, шепнул в ушко:

— Кормилица ты моя!

— Я-то думала: любимая женщина! — весело попеняла она.

— Ты — совершенство во всех ипостасях! — нашелся журналист. — Леди в гостиной, хозяйка на кухне...

Надя ждала: сейчас последует продолжение афоризма *про спальню*, и Димина рука опустится ей на бедро, но журналист (кажется, с сожалением) отстранился. Произнес:

— Надюха! Мне с тобой поговорить надо.

ДИМА

План — избавиться ото всех цепей разом — был хорош.

Но Митрофанова оказалась чуткой девочкой и повела себя сегодня исключительно правильно. Когда он явился, ни о чем выпрашивать не стала. И что коньячком попахивает от него, не начала пенять. В стиле смиренной тайки подала ужин, а потом, распахнув глаза, не перебивая, выслушала Димину историю. Когда в конце концов Полуянов закончил рассказом о сегодняшней нотации главного, Надежда сочувственно вздохнула: «Бед-

ный Димочка!» А потом спросила участливо: «И что же ты дальше думаешь делать?»

Журналист коротко обрисовал подруге жизни дилемму: или — или. Или гордо уходить — или смириться, в стиле «рожденный ползать — летать не может». И ползать дальше.

— Значит, — с самоуничижительным пафосом заметил он, — начну живописать, как Стас Михайлов на вручении премии «Золотой мегафон» разлил вино на блузку Ваенге.

— Может, все-таки из «Вестей» уйти?

— Мне — уйти? — стал разоряться журналист. — Боже мой, Надя! Я с этой газетой, с «Молвестями», больше чем полжизни прожил! Я ведь туда еще школьником пришел, девятиклассником! Еще когда передовые печатали: «В Политбюро ЦК КПСС». Я тебя тогда не знал — ну, вернее, видел пару раз, но даже представить не мог, что мы с тобой рядом по жизни окажемся!

Надежда тут грустно подумала: «А я-то в тебя уже тогда влюблена была» — однако прерывать невенчанного мужа не стала. А тот продолжал нагнетать:

— Сколько всего у меня с этой газетой связано! Мы ведь и с тобой по-настоящему познакомились, когда я над темой для нее работал! И потом! Из каких я только переделок не выходил!

(«Мы выходили», — подумала про себя Надя.)

— И всегда — или почти всегда — меня старшие товарищи прикрывали, спасали, помогали. Тот же главнюга, надо отдать должное, — не раз. Я за собой газету чувствовал, силу ее! А сейчас?! — патетически изрек журналист.

— Ну и не надо, значит, из нее уходить, — мягко заметила Митрофанова.

— А что же делать — смириться?! — ошетинился Дмитрий.

— Тоже не обязательно. Ты ведь можешь статью свою где хочешь все-таки опубликовать. Мало ли чего главный не рекомендовал... Ты — свободный человек, в крепостных у своего Анатолия Степановича не числишься!

— Предлагаешь объявить ему войну?

— Мудрецы бы про твой случай сказали: если не можешь решить, что делать, не делай пока ничего, — пожала плечами она. — Возьми тайм-аут. Но не тупо, раз за разом, обсасывай в мозгах ситуацию, а наоборот — полностью от нее отключись. Впади в анабиоз.

— Предлагаешь лечь на диван и уставиться в потолок? — саркастически молвил журналист.

— Можно поинтересней. Ты в отпуске в этом году был?

— Сама знаешь, что нет, — проворчал журналист.

— И в прошлом году — тоже. Подготовка на Черном море очерка «Небесный остров»¹ и последующее лечение, я думаю, в счет отдыха не идет. Вот и надо тебе сейчас сбежать из Москвы. Расслабиться полностью, на пару недель. «Молодежные вести» тебе отпуск оплачивать обязаны. Не дарить же им! А потом решишь: или оставаться, или уходить.

¹ См. одноименный роман Анны и Сергея Литвиновых.

Журналист осекся. Задумался. Хмыкнул, с оттенком шовинизма:

— Смотри-ка! Оказывается, и ты можешь дельные советы давать!

Надя горько подумала: «А ты только заметил?» — но опять-таки ничего не сказала. Еще не хватало им сейчас отношения выяснять!

— Да я вообще супер, — улыбнулась Надежда.

— А я? — подбоченился журналист. Настроение Полуянова — после того как он высказал все, что накипело, а близкий человек выслушал и понял — чудесным образом улучшилось.

— Ты тоже умник и гигант, — польстила гражданскому мужу Митрофанова. — И все у тебя с работой будет хорошо. Таких журналистов, как ты, еще поискать!

Когда она говорила последние слова, Димка уже обнимал ее и целовал в шейку.

— Ну, поищи, — промурлыкал он.

— И поищу, — прошептала она, запуская руки ему в шевелюру.

* * *

На следующий день Надя явилась на работу без настроения. Да, вчера она изо всех сил старалась убедить Диму, что все в порядке, обычный у него рабочий конфликт, с кем не бывает.

Но только прекрасно уже изучила любимого. И чувствовала: на компромисс с главной Димочка не пойдет. Не тот у него характер. Уйдет, скорее всего, из «Вестей», да еще дверью на прощание хлопнет со всей силы. И никакой отпуск в банальном Египте положения не изменит.

Наде совсем не хотелось, чтобы Полуянов отправлялся в свободное плавание. Причем отнюдь не финансовый вопрос девушку смущал. Сейчас Димка в жизнь *включен*, при хорошей должности, при статусе. А окажется на вольных хлебах — совсем неизвестно, как жизнь повернется. Станет себя оппозиционером считать, начнет по митингам ходить или сутками в Твиттере сидеть. А то, еще хуже, запьет от не востребованности. Будет искать утешения в объятиях посторонних женщин.

В общем, совсем грустная перспектива: и для Димы лично, и для их отношений.

...Как назло, еще читателей в библиотеке полно, посидеть, спокойно подумать — никакой возможности. Плюс жара в городе, а кондиционеров в библиотеке нет.

Надя в своем деловом костюмчике просто не знала, куда от духоты деваться. Посетительницы — хотя явились многие в сарафанах, в кофточках с декольте — тоже над своими талмудами склонились все красные, кто газеткой, кто веером обмахивается. Будто в литейном цехе они, а не в библиотеке!

Одна Ирина Андреевна — любимая Надина читательница — выглядела сегодня свежей и бодрой. При том, что одета была в строгое льняное платье с рукавами две трети.

— Как вам удается жару игнорировать? — не без зависти в голосе поинтересовалась Надя.

Женщина заговорщицки улыбнулась:

— Меня научили одной очень полезной вещи. Называется «охлаждающее дыхание». Смотри, Надя. Складываешь очень узким колечком губы, сво-